

Се Линьюань всё не сводил с него глаз и, указав на синяк у него на груди, произнес: Тебя тоже отходили палками, сходи к медсестре, пусть намажет мазью.

М? Неужели он сам себе всё напридумывал? Цинь Сяо ни за что не поверил бы, что этот доктор заметил лишь его собственные раны.

Се Линьюань уже собрался уходить, но Цинь Сяо схватил его за рукав: Ты же тоже врач, намажь мне спину сам.

С какой стати ему самому мазать этого парня спину? Кто он такой вообще?

Се Линьюань был специалистом по железам, входящим в топ-десятку мировых светил, и заставлять его заниматься такой мазней — всё равно что стрелять из пушки по воробьям.

Се Линьюань не хотел с ним возиться, но Цинь Сяо, стоило ему только захотеть, тут же притворился падающим в обморок и всем телом прильнул к Се Линьюаню: Ой, что-то голова кружится.

Глядя на этот цирк, Се Линьюань усмехнулся: ну надо же, точь-в-точь как тот парень из палаты, методы те же.

Конечно, этот не был Шэнь Мо, и это было заметно, но врачу всё же хотелось посмотреть, что еще удумает этот альфа с ароматом зелёного яблока.

Тогда пошли со мной, мой кабинет на двенадцатом этаже.

Оказавшись в кабинете, Се Линьюань запер дверь и бросил Цинь Сяо: Снимай одежду, а сам направился за аптечкой.

Вернувшись с аптечкой в руках, он застал Цинь Сяо стоящим посреди кабинета в чём мать родила — точнее, в одних трусах, — совершенно не смущенным и открытым всем ветрам.

Этот парень был слегка с придурью, но придурью относительно разумной — догадался хотя бы оставить на себе белье.

Раны на теле Цинь Сяо оказались вовсе не такими пустячными, как он пытался представить. Осмотрев его, Се Линьюань сказал: Сделай рентген.

Боялся, что задеты кости.

Цинь Сяо из-за частых болезней и вечных драк сам уже стал наполовину врачом и отлично

понимал, насколько тяжелы его травмы.

Сегодняшние повреждения были поверхностными, и по его обыкновению можно было вообще обойтись без лекарств — организм S-класса вывез бы за счет природной выносливости.

Цинь Сяо небрежно бросил: Не нужно, из-за такой ерунды — и по врачам.

Се Линьюань приподнял бровь: Ты часто получаешь ранения?

Цинь Сяо уселся на стул напротив Се Линьюаня, оперевшись одной рукой в стол, а другой принявшись рассеянно крутить в пальцах стаканчик для ручек, изображая полнейшее спокойствие.

В душе же он жутко досадовал: с чего это он вдруг растаял от пары дежурных слов заботы незнакомого человека и позволил задеть свое сердечко?

Мда? И что же, доктор Се за меня переживает?

Се Линьюань подумал про себя: вот это он называет заботой? Классический недолюбленный тип, вылитый его братец.

Се Линьюань открыл аптечку и стал рыться в поисках мази: Раз считаешь, что не нужно, значит, не пойдём.

Цинь Сяо мысленно усмехнулся: ага, на этот крючок он не клюнул.

Вытащив тюбик с мазью, Се Линьюань поинтересовался: Так мазать будем?

Цинь Сяо тут же отозвался: Будем. А ради чего он сюда пришел, если не за этим?

Се Линьюань вытянул длинную ногу и носком туфли притянул к себе стул, на котором сидел Цинь Сяо.

Поскольку у стула были колесики, легкого движения хватило, чтобы подкатить Цинь Сяо вплотную.

Увидев, как сократилось расстояние между ними, Цинь Сяо замер: лицо красавца мгновенно выросло прямо перед его глазами, а сердце пропустило удар. Черт, а ведь он чертовски хорош.

Се Линьюань развернул стул под нужным углом, чтобы пациент сидел к нему боком — так раны и спереди, и на спине были видны как на ладони.

Чтобы мазь впиталась лучше, Се Линьюань надавил сильнее обычного.

Цинь Сяо чувствовал боль, но терпел: как можно ударить в грязь лицом перед каким-то бетой?

Про себя же он восхищенно подумал: а ручки-то у доктора Се что надо, мощные.

Но когда пальцы добрались до поясницы, он не выдержал и выдал громкое: А-а!

Звук получился до неприличия томным, и оба на секунду замерли.

Цинь Сяо сам не верил, что этот стон вырвался из его собственных уст.

Се Линьюань же от этого вскрика словно когтем царапнуло по сердцу — до чего же щекотно.

Дальше Се Линьюань принялся целенаправленно проверять самые чувствительные места Цинь Сяо, и тот неизменно срывался на крик.

Чуть рассердившись, он потребовал у Се Линьюаня: Ты ведь специально, да? Тебе так нравится слушать, как я кричу? Раз уж так по душе, давай в другое место пойдем, я тебе еще и не так заору.

Се Линьюань изогнул бровь: С удовольствием.

М? Согласился так быстро? И правда стреляный воробей, типичный бабник — чего же ломаться-то было?

Пока Цинь Сяо натягивал штаны, Се Линьюань сбросил белый халат и достал из шкафа собственную белую рубашку: Надень, не хватало еще простудиться.

Май месяц, погода непостоянная, сегодня вон опять похолодало.

Цинь Сяо не стал церемониться, принял рубашку и поддразнил врача: Доктор Се со всеми такой заботливый?

Се Линьюань ответил безмятежно: Ну, вроде того. Больше всего врачу вредит кислая мина и ледяной тон — пациенты, видя такое, сразу думают, что неизлечимы и жить им осталось пару дней.

Кстати, именно поэтому Шэнь Мо в свое время и не захотел идти в медицину: он не желал улыбаться каждому встречному, да у него бы и не получилось.

Цинь Сяо это почему-то задело. Он встряхнул рубашку в руке, будто на ней осела какая-то грязь, которую требовалось непременно стряхнуть: Надеюсь, ее до меня никто не носил?

Се Линьюань ответил: Рубашка новая, я ее только раз постирал, сам еще ни разу не надевал.

Цинь Сяо даже понюхал ткань, убедился, что от нее пахнет лишь свежестью кондиционера для белья, и остался доволен. Уголки его губ победно поползли вверх — подумать только, первый владелец.

Се Линьюань покачал головой: совсем ребенок.

Цинь Сяо надел рубашку; поскольку она была ему слегка велика, а пиджак он не носил, застегивать пуговицы не стал, иначе вид получился бы слишком мешковатым.

Неподалеку от больницы находился пятизвездочный отель, и Цинь Сяо, предъявив лицо на ресепшене, прямиком поднялся в пентхаус на верхнем этаже.

В номере было всё необходимое, так что тянуть резину они не стали и сразу же сгребли друг друга в охапку, слившись в страстном поцелуе.

Целуясь, они переместились от самой двери прямо к кровати.

На ходу сбрасывая одежду, не прошло и минуты, как...

Оба оказались совершенно голыми.

Поскольку Цинь Сяо был уверен, что Се Линьюань — бета, он даже не пытался сдерживать свои феромоны, и те, под стать характеру их обладателя, бушующей волной заполнили всю комнату.

Кровь Се Линьюаня закипела от этого аромата зеленого яблока.

Он не щадил его губ, оставляя метки на каждом дюйме чужого тела.

Альфа с ароматом зеленого яблока и вправду оказался чертовски хорош на вкус.

Но когда ласки подошли к концу и дело должно было дойти до самого главного, выяснилось пренеприятнейшее обстоятельство: они оба оказались доминантными универсалами.

Каждый норовил загнать партнера под себя; поначалу они еще пытались действовать мягко и кувыркались без агрессии, но вскоре нетерпение взяло верх, и мужчины сцепились на постели

всерьез.

Каждому непременно нужно было доказать свое превосходство.

Обычный альфа, разумеется, не мог тягаться с энигмой: когда Цинь Сяо уже почти выбился из сил, он отчаянно прикрыл руками задницу и взмолился: Всё, всё, хватит!

Раз уж партнер был против и отнюдь не горел желанием, Се Линьюань не стал настаивать.

Однако огонь в их телах еще не погас...

Укрывшись одним одеялом и тяжело дыша, они немного передохнули, после чего Цинь Сяо не преминул поворчать: А ты, бета этакий, кажется, перегибаешь палку.

Се Линьюань лишь усмехнулся в ответ: из-за редкости энигм многие охотились за их железами, и чтобы защитить себя, они научились маскировать свой истинный вторичный пол, выбрав статус бет.

Он скрывал собственные феромоны мастерски — за исключением ежегодного периода гона, в остальное время он их просто не замечал.

Поднявшись с постели, он спросил Цинь Сяо: В душ пойдешь?

Цинь Сяо торопливо замахал руками: С меня хватит, давай лучше по отдельности.

Се Линьюань встал с кровати и, повернувшись к Цинь Сяо спиной, бросил небрежно: После сегодняшней ночи давай больше не видаться.

Цинь Сяо прекрасно понимал: оба они прирожденные лидеры, ни один из них не пожелал бы прогнуться под другого, так что продолжать этот цирк не было никакого смысла.

Хорошо. Согласие прозвучало на редкость твердо.

Стоя под тугие струи душа, Се Линьюань на мгновение засомневался: смывать с себя этот стойкий запах зеленого яблока почему-то было немного жалко.

Но, посомневавшись еще секунду, он все же повернул кран до упора, позволяя ледяной воде обрушиться на плечи.

Ранним утром Се Линьюань ушел первым — ему нужно было возвращаться в больницу для подготовки к операции по удалению желез.

Очередной пациент передумал после пожизненной метки и теперь был готов пожертвовать парой десятков лет жизни, лишь бы наглухо порвать связь с тем, кто его запечатлел.

Се Линьюань видел подобного слишком много раз, чтобы верить в долговечную любовь, особенно учитывая его собственную природу энигмы.

Именно поэтому он твердо решил никогда не позволять себе влюбляться.

Его жизненным кредо было простым: жизнь коротка, бери от нее всё здесь и сейчас.

<http://bllate.org/book/21845/2265086>